

Шэнь Фаши и сам понимал, что ведёт себя неподобающе. Цзи Саньмэй был всего лишь семилетним ребёнком, а он уже позволял себе такие мысли и смущался. Пока тот спал, он попытался было прочитать молитву, дабы изгнать дурные помыслы, но даже священные тексты не помогли. Тогда он встал и направился в соседний кабинет, надеясь отыскать какую-нибудь книгу для чтения, чтобы рассеять сумбур в голове.

Он открыл первую попавшуюся книгу: «...Горный проход узок, будто бы светится... Сперва тесен, лишь для одного, но пройдя десятки шагов, внезапно видишь простор...»

Шэнь Фаши с шумом захлопнул книгу и взял сборник стихов.

«...Песнь льётся из алых уст, каждое слово — томный вздох. Глубокая тропа меж персиковых деревьев ведёт к истоку...»

Книги в последнее время становились всё более непристойными.

Не в силах читать, Шэнь Фаши встал и вышел за дверь.

Чанъань всё ещё упорно разговаривал с персиковым деревом, надеясь выманить оттуда какую-нибудь фею. Ван Чуаньдэн сидел на наружных ступеньках, и свет молодого месяца, тонкий, как серп, мягко ложился на его лицо, делая и без того мягкие черты ещё теплее и безмятежнее.

Происхождение и возраст Ван Чуаньдэна были неизвестны. Шэнь Фаши впервые встретил его, когда тому было одиннадцать, в пещере, пропитанной смрадом человеческой плоти.

Ребёнок, не достигший и десяти лет, с лицом, распухшим, как булка, сидел в куче костей, руки его были в крови. Напротив, выбившись из сил, сидела растрёпанная женщина. Разум её помутился, и она лишь бесконечно бормотала одно и то же: «Негодяй. Негодяй».

Трудно было поверить, что эта семья из трёх человек, собравшаяся переехать в другой город, лишь потому, что отец семейства захотел срезать путь через горы, угодила в лапы к демонам. Отец, пытаясь бежать, сломал ногу, и все трое, дрожа от ужаса, забились в сыром, покрытом плесенью углу пещеры.

Демоны, долгое время жившие в одиночестве, увидев трёх живых людей, возжелали грязной забавы. Они всучили красивому мальчику ржавый серп и сказали: отец и мать — выживет только один. У тебя есть четверть часа — сруби голову одному из них, тогда второй останется в живых.

Маленький Ван Чуаньдэн, поддавшись истошным мольбам матери, рыдая, поплёлся к отцу.

Мать всегда была к нему добра, он не мог её потерять.

У отца была перебита нога, он страдал.

Причину, по которой он выбрал отца, Ван Чуаньдэн запомнил накрепко. А вот как именно он рубил, как заносил серп, как наносил удар — всё это стёрлось из памяти.

Демоны, довольные зрелищем, разошлись, бросив Ван Чуаньдэна на попечение матери, которая любила мужа больше жизни.

После этого Ван Чуаньдэн не помнил, сколько раз мать била его по лицу. Он лишь понимал, что она очень устала, и хотел её утешить, но каждый раз, когда он приближался, она с

криками отталкивала его, царапаясь и колотясь.

Когда появился Шэнь Фаши, в сердце Ван Чуаньдэна внезапно вспыхнул свет. Он не мог вымолвить ни слова, лишь дрожащими губами указывал на мать. А та, с землистым лицом, лишь повторяла: «Негодяй».

Шэнь Фаши перевернул её, и Ван Чуаньдэн увидел: на её запястье зияла рана размером с детский рот. Вся кровь уже вытекла.

Пока Ван Чуаньдэн с надеждой смотрел на мать, та наложила на сына-отцеубийцу жестокую кару.

Её последними словами было: «Негодяй».

Первые десять лет жизни Ван Чуаньдэна завершились этой итоговой оценкой.

После того как он пошёл за Шэнь Фаши, его называли «безумцем», «дядей Лампой», «гениальным носителем огненного духовного корня», «тем уродцем, что сходит с ума, стоит взять в руки серп».

Каждое из этих имён было им. И, возможно, ни одно из них не было им по-настоящему.

Шэнь Фаши присел рядом с Ван Чуаньдэном и спокойно завёл разговор:

— Если явится Призрачная колесница, оставайся рядом с ним. Ни на шаг не отходи.

Ван Чуаньдэн повернул к нему лицо. Его черты от природы были мягки до чрезмерности, и даже врождённая кровожадность не смогла отнять этот дар небес:

— Так точно.

Затем он добавил:

— Губернатор, а штаны у госпожи красивые?

Шэнь Фаши: «...»

Его вновь посетило ощущение, что Ван Чуаньдэн выглядит крайне неприятно и просит подзатыльника.

— Губернатор, я без задней мысли, просто пошутить, чтобы разрядить обстановку, — поспешил добавить Ван Чуаньдэн.

Шэнь Фаши и Ван Чуаньдэн понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда:

— У соседей что-нибудь выведал?

Когда Ван Чуаньдэн не занимался убийствами и не отпускал похабных шуток, он выглядел на редкость добродушным и располагающим — именно таким, каким его охотно видят соседские старики и старухи. Поэтому для расспросов незнакомцев он подходил идеально.

— Соседка — госпожа Ло, в девичестве Ли, личного имени не узнал. Но пока я с ней беседовал, вышла экономка и сказала: «Госпожа Жоу только что кошмаров навиделась».

Судя по словам Сюй Тая, эта госпожа Ло — вторая жена хозяина Ло, который уже в годах и давно утратил интерес к женскому полу. Наложниц после его смерти одарили деньгами и распустили. Та, кого можно было почтительно назвать «госпожой Жоу», должно быть, и есть та самая «сестрица», о которой она всё твердила.

— Я пытался выведать про госпожу губернатора, но она много не рассказала. Лишь сказала, что они с сестрой были глупы, спасли змею, и это стоило жизни её сестре.

Тут Ван Чуаньдэн отвлёкся от объективного изложения и добавил своё замечание:

— Что касается умения привлекать к себе внимание, тут госпоже губернатора нет равных.

Шэнь Фаши промолчал, а спустя мгновение спросил:

— Он прибыл в Ичжоу в начале восьмого года или в конце?

«Восемь лет» — понятие, кажущееся ясным, но на деле расплывчатое. От начала года до его конца — целый год, и в оставшиеся триста шестьдесят три дня могло случиться что угодно.

Ван Чуаньдэн замешкался.

Он взвешивал, как его ответ ударит по Шэнь Фаши:

— В середине года. Летом.

Шэнь Фаши резко вскочил, лицо его исказилось:

— Не может быть!

В голове Шэнь Фаши существовала чёткая хронология жизни Цзи Саньмэя, ясная и последовательная.

В восемь лет они впервые встретились у главных ворот города Чжуинь.

С одиннадцати до пятнадцати лет Цзи Саньмэй отправился в Лунган в качестве шпиона, сея раздор, лавируя между сторонами, вытаскивая на свет грязные секреты местных знатных семей, стравливая их друг с другом, пока в Лунгане не вспыхнули внутренние распри. Чжуинь воспользовался моментом и нанёс удар снаружи, захватив земли Лунгана и прибрав к рукам перессорившиеся семьи.

В пятнадцать лет Цзи Саньмэй вернулся в Чжуинь и, благодаря выдающимся заслугам в лунганской кампании, стал самым молодым вельможей в городе.

В день своего восемнадцатилетия, изрядно выпив, в таком же подпитии он разделил ложе с Шэнь Фаши и открыл свои чувства.

В восемнадцать с половиной лет среди клана Юньян объявились демоны-предатели, которые совратили умы, склонив нескольких глав семей в погоне за силой к тёмным, демоническим практикам. Они послали войска, желая захватить соседний континент — Чжуинь. Шэнь Фаши покинул Чжуинь и повёл свои отряды оборонять пограничный форт Линтин. Та кампания затянулась почти на год.

В девятнадцать лет Цзи Саньмэй составил для Чжуиня «Воззвание против Юньяна». Текст блистал талантом, каждая строчка была написана кровью сердца и всколыхнул множество

заклинателей. Демоны-адепты из Юньяна, опасаясь его влияния, подослали шпиона, чтобы отравить его.

В том же году, в возрасте девятнадцати лет, Цзи Саньмэй скончался от яда.

Спустя три месяца Шэнь Фаши, наконец, прорвав оковы, сковывавшие его cultivation в затяжной войне на истощение, разгромил измотанных демонов-адептов Юньяна. Он поскакал обратно в Чжуинь и увидел кости Цзи Саньмэя, висящие на дереве.

Шэнь Фаши отчётливо помнил: он вернулся в Чжуинь в марте, когда трава зеленела и пели иволги. Это было восемь лет назад, в третьем месяце.

А Ван Чуаньдэн сообщал, что живой Цзи Саньмэй появился в Ичжоу, на землях Юньяна, летом того же восьмого года.

Но Ван Чуаньдэн принёс не только эту весть.

Он смотрел на Шэнь Фаши и спокойно продолжил:

— Та госпожа Ло сказала, что восемь лет назад, когда госпожа губернатора прибыла в Ичжоу, она уже была слепа.

— ...Не может быть.

Сердце Шэнь Фаши сжалось в комок. Он инстинктивно скрестил на груди руки, словно защищаясь. Лицо его покрылось пятнами — то красными, то землистыми.

Он повторил:

— Не может быть.

— Есть кое-что ещё более невероятное, — Ван Чуаньдэн почесал голову. — Госпожа Ло сказала, что, пока госпожа губернатора жила у них на попечении, она собственноручно изловила и уничтожила нескольких демонов и прислужников тёмного пути. Именно поэтому госпожа Жоу и вспылала к ней тайной страстью.

Не дожидаясь, пока Шэнь Фаши найдёт слова, Ван Чуаньдэн добавил:

— Губернатор, я знаю, что в прошлой жизни госпожа губернатора сама уничтожила свой духовный корень.

<http://bllate.org/book/16281/1466162>